

или подвалами, – это одна из форм создания нео-мифов, призванных определить синхронное национальное сознание общества.

При этом необходимо отметить, что подобные стратегии не подразумевали процедуру демифологизации, «разволшебствления» (М. Вебер), скорее это образцы радикальной мифологизации со всеми четкими признаками мифа, будь то наличие «мифологической логики», «замена причинно-следственных связей прецедентом», создание «мифического времени-пространства» (Е. М. Мелетинский) [12] и пр., – и вместе с тем это деструктивно ориентированная мифология. При этом националистическое мифотворчество позволяло придать данной стратегии сакральный характер: если признать, что «национальный дискурс позволяет перенести переживания религиозного характера в культурно-этническую сферу» [13], то сочетание сакрального авторитета с национально окрашенной мифологией, несомненно, придавало эффективности деструктивным стратегиям. Создание не только нового национального менталитета, но и нео-сакральности, новой национальной «религии», способствовало большому успеху разрушительных интенций художественной культуры.

Литература

1. Моисеев, Н.Н. Современный антропогенез и цивилизационные разломы: Эколого-политологический анализ / Н.Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1995. – № 1.
2. Телемтаев, М. Национальная идея российского народа / М. Телемтаев. – М., 2004.
3. Коцюбинский, Д. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза / Д. Коцюбинский. – М., 2001. – С. 105.
4. Тульчинский, Г.Л. Испытание именем, или Свобода и самозванство / Г.Л. Тульчинский. – СПб., 1994.
5. Greenfeld, L. Nationalism: Five Roads to Modernity. Cambridge, 1985.
6. Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1870 г. / Э. Хобсбаум. – СПб., 1998. С. 24.
7. Геллнер, Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. – М., 1991. – С. 103.
8. Лорд Актон // Нации и национализм. Сборник. М., 2002. С. 106.
9. Неклюдов, С.Ю. Структура и функция мифа / С.Ю. Неклюдов // Мифы и мифология в современной России / под ред. К.Аймермахера, Ф.Бомсдорфа, Г.Бордюкова. – М.: АИРО-XX, 2000. – С. 17-38 и др.
10. Полосин, В. Миф. Религия. Государство / В. Полосин. М.: Ладомир, 1999. – С.83.
11. Гачев, Г.Д. Миф. Национальный. Индивидуальный. (Опыт экзистенциальной культурологии) / Г.Д. Гачев // Миф в культуре: человек – не-человек. – М.: Индрик, 2000. – С. 123.
12. Крохина, Н.П. Миф и символ в романтической традиции (В русской поэзии и эстетике начала XX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.П. Крохина, АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М.Горького. – М., 1990; Минц, З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в творчестве русских символистов / З.Г. Минц // Учен. зап. Тарт. гос ун-та. – 1979. Блоковский сборник. 3. – С. 76–120 и др.
13. Балибар, Э. Н. Раса, нация, класс: Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, Н. Валлерстайн. – М., 2003. – С. 103.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ

Колпина Л.В., Ильин А.В.

Последние десятилетия современное общество захлестнули динамичные трансформации, вызванные ростом знаний, технологий и институтов, их производящих, многосубъектностью социального пространства, увеличением «числа производителей «смыслов» и претендентов на определение новой «повестки дня» или парадигм развития мирового сообщества [10, с. 4]. Наряду с этим его «визитной карточкой» стали нестабильность, неопределенность и риск; человеческая история пред-

ставляет собой уже не естественно-, а социально-исторический процесс, а «жизнь человека становится биографическим разрешением системных противоречий [1]». Теперь, «только от нас зависит, как мы ответим на сегодняшние вызовы, используем свой шанс, чтобы укрепить себя и своё положение в быстро меняющемся мире [7]». В связи с этим на передний план выходят специфические требования к способностям человека обеспечивать адекватные ответы «на вызовы современности», успешно взаимодействовать с динамично изменяющейся внешней, в первую очередь, социальной средой, управлять ею, иначе говоря, – вопросы его социального здоровья.

Если индивидуальное здоровье человека определять его возможностями реализовывать свои функции, сохранять и развивать себя и среду своего обитания [2], то социальное здоровье представляет собой совокупность параметров социальности личности, ее включенности в разнообразные формы социальных отношений, обеспечивающих ее жизнеспособность, сохранение и развитие среды. Тогда как в условиях стабильного общества такие параметры обеспечивались личностными характеристиками, направленными на поддержание установленных социальных норм и правил, то в современном, динамично развивающемся, когда границы нормы и мейнстрима размыты, для адаптации личности уже недостаточно механизмов социального конформизма. Она происходит в большой мере за счет потенциала творческой активности, которая представляет собой акт самореализации человека. Кроме того, ему уже недостаточно просто адаптироваться. Человек стремится преобразовать себя, выйти за рамки себя, преобразуя мир, предопределяя тем самым развитие социальной реальности.

Резко расширяется диапазон жизненных смыслов и личностных запросов на достойную жизнь, претензий на право самовыражения [10, 5]. Общий вектор развития человеческой цивилизации в тенденции можно определить как расширение степеней свободы человеческой деятельности в пределах ограничений, заданных состоянием среды обитания [9]». Рост свобод и возможностей самореализации личности в современном мире, увеличение ее социальной субъектности происходят на фоне утраты многими традиционными социальными институтами и организациями тотальности, выражающейся в комплексном регулятивном влиянии на социальное поведение. Вследствие этого, обостряется противоречие, на которое в разное время указывали Э. Фромм, З. Бауман и др., между, с одной стороны, желанием человека принадлежать к миру, быть «как все», а с другой, быть особенным, свободным от социальной обусловленности, проявляя максимум индивидуальности. Поэтому, в обществе, характеризующемся динамичными трансформациями, рост индивидуальной свободы и независимости детерминирует риск его деструктурированности, социальной аномийности, атомизированности (когда «личное» и «общественное» позиционируются в двух разных мирах, не связанных друг с другом [1]) и индивидуализации социальных практик. Кроме того, в ряде исследований отмечается тенденция сужения социальных связей и отношений [5; 4], детерминирующая риск социальных дезадаптаций, неврозов. Являясь, при этом, мощным демотиватором для «авторской» жизненной позиции, увеличивает риски физических и психических заболеваний. Таким образом, в современном мире ответственность за общественные процессы все в большей степени является атрибутом личности; ее самореализация и социальное творчество становятся условиями развития общества, а характеристики социальности – важной составляющей здоровья человека.

Это относится и к России, которая трансформируется в глобальном мировом пространстве, которое в свою очередь претерпевает изменения [9]. Произшедшие в конце 20 века системные трансформации российского общества сделали малоприспособленной,

пусть даже существовавшей на уровне общественного сознания, модель социального здоровья личности. Непрерывное реформирование различных сфер жизнедеятельности человека, длительная ценностная аномия, отсутствие внятно артикулируемого запроса со стороны властных структур и общества на определенный тип личности стали препятствием формированию и закреплению у населения устойчивых социальных практик, основанных на действенных общественных механизмах. Это вылилось в дезориентацию большей части населения относительно ценностей, норм; выбора тех или иных практик, способных обеспечить социальную эффективность, востребованность, успешность. Его существенная часть подверглась маргинализации и социальной эксклюзии, оказалась неспособной встроиться в существующую систему отношений.

В результате произошедшей в России потребительской революции началось одновременно и целенаправленное, и стихийное выращивание «одномерных людей» – особого социального типа законченного индивидуалиста, воспринимающего окружающую среду только как субстанцию, существующую для удовлетворения его растущих, преимущественно гедонистических, запросов, которому чужды высокие идеалы и интерес ко всему, что не касается его непосредственно [10].

Сдерживающим фактором развития социально здоровых личностных паттернов во многом стало и несовершенство общественной системы, обладающей низкими экстракционными возможностями; неразвитость социальных механизмов, не способных обеспечить возможность влияния человека и населения в целом на индивидуальную и общественную ситуацию. А ригидность социальных институтов не позволила им адекватно реагировать на возникновение новых социальных веяний, обеспечивая условия для актуализации и реализации социально эффективных, как для личности, так и для общества, поведенческих стратегий и тактик населения. Это во многом способствовало институционализации девиантных форм поведения, их превращению в коллективные девиации [3], в то время, когда практики, характеризующие социальное здоровье, оказались мало востребованы или даже, напротив, препятствующими индивидуальному благополучию.

Но формирование социально здоровой личности, детерминированное вышеозначенными глобальными и локальными процессами, столкнулось с рядом проблем теоретико-методологического характера. Среди них, определение понятия и сущности социального здоровья. Несмотря на то, что обществоведческий дискурс для описания и анализа социальной действительности все чаще оперирует понятием «социальное здоровье», его смысловое поле настолько широко и многозначно, что вмещает в себя огромный спектр не только социальных, но и биологических, психологических, культурных, экономических, политических и других показателей.

Одним из негативных следствий этого стало существующее в науке и общественном сознании представление о социальном аспекте здоровья как чем-то внешнем по отношению к человеку. Это противоречит толкованию индивидуального здоровья как системного явления, где социальное здоровье, наравне с физическим и психическим, характеризует индивида. Высокая контекстуальность данного понятия, его синкретичность, детерминированные междисциплинарным характером проблемы, многозначностью понятий «здоровье», «социальное», сложностью и многоуровневостью объекта, обусловили терминологическую путаницу. В связи с этим, возникла необходимость, на которую указала И. В. Рывкина – разработки показателей и четких дефиниций, позволяющих накапливать информацию и разрабатывать механизмы обеспечения социального здоровья [8].

Таким образом, актуальность исследования социального здоровья будет существовать во все времена и во всех культурах, приобретая специфические черты конкретного общества и периода его развития. В современном российском обществе она детерминирована: глубинными изменениями общественной системы, инициированными «перестройкой» и реформами конца 20 века, приведшими к деформации норм, ценностей населения, снижению эффективности реализуемых ими социальных практик, и, в конечном счете, адаптированности, их социальной эксклюзии; императивами непрерывных трансформационных общественных процессов, обуславливающих новые требования к социальным параметрам личности и потребность построения модели социального здоровья; развитием гуманистически – и личностно ориентированных концепций и общественных практик, вызывающих потребность формирования среды для полноценной адаптации и самореализации личности, активного влияния на нее; необходимостью придания характеристикам социальности человека статуса «здоровья» и выведения данного феномена в ряд научно регулируемых объектов; индикативным характером показателей социального здоровья для оценки качества жизни и управления; важностью системной, научно обоснованной управленческой деятельности по обеспечению условий укрепления социального здоровья населения как важнейшей детерминанты развития и человека, и общества.

В связи с такой постановкой проблемы можно выделить следующие актуальные направления исследования социального здоровья населения: концептуальное моделирование феномена «социальное здоровье» в условиях современного общества, характеризующегося высокими рисками, динамичностью общественных процессов; формирование общественной парадигмы и, соответственно, культуры социального здоровья; внедрение концепта социального здоровья в практику социального управления с последующим обеспечением условий для формирования социально здоровых личностных паттернов и актуализации соответствующих общественных практик населения.

Литература

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество /З. Бауман. URL: http://www.i-u.ru/biblio/archive/bauman_in/00.aspx.
2. Глазьев, О.С. Современные подходы к анализу понятия «здоровье» в аспекте формирования экологической культуры /О.С. Глазьев. URL: <http://www.ecogeo.info/publications/7>
3. Деметрадзе, М.Р. Модель институционализации девиантного поведения в обществах традиционного типа (на примере России) // М.Р. Деметрадзе// Политика и общество. 2011. № 5. URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Model_instituzionalizatsii_Demetradze.pdf.
4. Дубин, Б. Масс-медиа и коммуникативный мир жителей России: пластическая хирургия социальной реальности// Дубин Б. //Полит.ру. URL: <http://www.polit.ru/article/2006/09/06/dubin>
5. Putnam, R. Bowling alone: the collapse and revival of American community /R Putnam. – New York: Simon Schuster, 2000
6. Петухов, В.В. Ценностная палитра современного российского общества: «идеологическая каша» или поиск новых смыслов? Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены //В.В. Петухов. – URL: http://wciom.ru/fileadmin/Monitoring/101/2011_%28101%29_2_Petuhov.pdf
7. Путин, В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить //В.В. Путин – URL: <http://www.putin2012.ru/events/52>
8. Рывкина, И.В. Социальное нездоровье современной России как предмет изучения социальной науки //И.В. Рывкина // Демоскоп. 2008. № 351–352
9. Социальные трансформации в России в эпоху глобальных изменений. Доклад Т.И. Заславской и В.А. Ядова на открытии III Социологического конгресса, 21 октября 2008 г. – URL: <http://www.polit.ru/science/2008/10/29/soctransformations.html>.
10. Ценностные ориентиры и приоритеты в трансформирующемся мире // под ред. А.С. Железнякова и З.П. Яхимович. – М., 2010. С. 4.